

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ

Зов

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Александр Гусев
Зов. Оглядываясь назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36970287

ISBN 9785449333803

Аннотация

Я царапаю истории, события, воспоминания, к которым оказался причастен сам или рассказанным мне непосредственным участником. Это скорее записки памяти в дневник жизни.

Содержание

О книге	5
Зов	6
Хлеб Насущный	12
Характер	16
Сёма! Вернись!	21
Нева	26
31 Декабря	30
Браконьер	33
Акулы бизнеса	39
Подарок	41
Попутчик	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Зов Оглядываясь назад

Александр Гусев

© Александр Гусев, 2018

ISBN 978-5-4493-3380-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге

Я пишу истории, события, воспоминания, к которым оказался причастен сам или рассказанных мне непосредственным участником. Это скорее записки памяти в дневнике моей жизни. У меня нет выдуманных историй, все события и лица реальные, имена изменены.

Зов

Удивительное свойство у донской степи, не принимает она посторонние предметы, даже кусочки металла отторгает из себя, приподнимая их иглами травинок, не поглощает их. Такое открытие сделал я в 10 лет, гуляя по скошенному лугу, в то время, как ровные ряды высохшего, душистого сена, дед укладывал в телегу.

Собрав пригоршню, причудливых форм, в зазубринах, как бы надкусанных, железных осколков, протянул их старику.

– Тут полно этого «добра», смотри ноги не порань, – равнодушно ответил он.

– С войны еще лежат, это от авиабомб, а вот эти белые

и легкие, от самого самолета.

– А мне говорили фрицы до нас не дошли 50 километров. Откуда тогда?

Все оказалось не так уж и таинственно, где-то рядом была эскадрилья ночных бомбардировщиков, новички и оттачивали тут свое мастерство в бомбометании. На земле были начерчены макеты дорог, строений по ним и работали.

– А вон там, видишь ямку в траве, так это один из них упал, разбился. Да. Колеса шасси помнится, долетели до села, хоть оно и в 5 км. Из них потом мы галоши на валенки вытачивали, сносу не был той резине.

Трудно различимое место в траве я запомнил, оно манило и будоражило детскую фантазию, а вдруг там пистолет летчика, а может и автомат?...

Спустя год, привязав к велосипеду лопату, приехал на то место, с трудом найдя в однообразном зелёном ковре небольшую воронку, вонзил лопату, но не тут то было, пробить толщу степного газона, 11 летнему ребенку увы оказалось не под силу и как я не кряхтел и не тужился, только чуть поцарапал дёрн. Понял, что один я не справлюсь и тут нужен человек постарше.

На следующей день, на удивление, легко поверив, что нас ждут военные сокровища, меня вез на рамке велосипеда

старшеклассник из 8го класса. А через 10—15 минут раскопок, скрежет металла известил о первой находке, со спичечный коробок фрагмент самолета, что привело нас к азарту, восторгу.

И уже через час рядом с нами выросла горка из всевозможных предметов, деталей самолета, двигателя, каких то трубок, кусков толстеного пуленепробиваемого стекла, обрывок пулеметной ленты, где еще были целыми позеленевшие патроны. Фрагменты обмундирования, пуговицы, ремни и... кости, изрубленные, из молотые. Мы пытались их к себе прикладывать, хотели понять из какой они части тела, но познания в анатомии увы были слабы, а осознание, что мы держим в руках чью-то бывшую жизнь и настоящую смерть, еще не пугало ум.

Устал мой приятель-землекоп, вижу, что интерес его угас, завалился на траву, тяжело дышит, мокрый, да и жара стояла беспощадная, степные оводы атакуют, грызут без устали. Решил я сам попробовать углубить яму, с размаха вонзил лопату, но та со звоном отпрыгивала обратно. Я еще и еще долбил лопатой по этому месту, пытаюсь понять, что за ерунда, пока не сообразил, что это какой-то предмет мешает. Полукруглая труба уходила вглубь. «Наконец-то фюзеляж самолета,» – решил я, но когда предмет обрёл знакомый силуэт виденный на картинке бомбы, я вы-

скочил из ямы, упал, прижавшись к земле, закрыл руками голову и уши, ждал взрыва... но был только взрыв хохота Валерки, который катался со смеху от увиденного.

Я просил его не трогать эту «дуру», даже в 11 лет понимая всю серьезность находки, но в 15 лет ум работает более практично. Приятель обругал меня ссыклом и потребовал помочь ему выкатить её из ямы.

Сейчас точно и не помню, каких размеров она была, ведь у страха глаза велики, мне казалась – гигантской. Поднять мы её действительно не могли, только перекатыванием оттащили на «безопасное» место, чтоб случайно на неё ничего не упало при дальнейшем копании (мы были осторожны!!!).

Стоящих внимания находок, большие не было. Изучили бомбу, задняя часть с крыльями – стабилизаторами, с торца надпись, кажется «СССР – 1942». Стали решать, что с ней делать, ведь бросить её тут, значит утром оставить деревню без стада коров, которое тут пасут, как эта железяка поведет себя после удара копытом животного, неизвестно. Ну и решили... подорвать её!!! Ох, детство! Натаскали веток, в степи их достать трудно найти, костер получился жиденьким и прогорел быстро, в общем хворостом бомбу не взорвать, нужны дрова, для накала и воспламенения взрывчатки. Снова набрали уже более увесистых чурок, а подойти к дымящему костру боимся, спорили, тя-

нули жребий и... пошли вдвоем, дабы не было обидно, огня уже не было и последние спички не запалили его. Засыпали костер вместе с бомбой землей и поехали к моему отцу, рассказать о событии.

Батя чинил машину, торчали только ноги, разговаривать с нами не хотел, но когда, до него дошло о чем мы болтаем, кажется шарахнулся головой о днище.

Итог, был для меня ожидаем, неделя карантина, из дома не выпускали.

Ну а «саперы», что прибыли из местного РВК, её там же и подорвали обложив динамитом. Прошлись миноискателем и ничего больше не нашли или не захотели. Какой – то майор разыскивал меня, хотел видимо узнать, не утаил ли чего из находок, и нет ли таких еще мест. Узнав об этом и думая что меня еще большие накажут, сбегал из дома и до поздней ночи скрывался в степях пока голод не вернул домой, военный меня так и не дождался, уехал.

Шли годы, не одно поколение мальчишек уже побывало на том месте, в небезуспешных поисках «сувениров» которые до сих пор лежат там. А меня не покидало все это время чувство, что я сделал, что-то «не так, не то, неправильно», тяготение только усиливалось, стоило только вспомнить «подвиг детства»... и не бомба тому виной, нет, ну

нашли и нашли, слава богу, не добавили своих костей к тем, что там покоились.

Лишь спустя 25 лет, в 2007 году понял, что меня беспокоило эти годы.

Приехав в родные места, я, как сумел «сварил» железный крест и установил его среди грустно кивающих седин ковыля, заполонившего воронку в степи.

Экипаж бомбардировщиков состоял из нескольких человек, а значит, те многочисленные останки принадлежали не одному человеку, чей вечный покой, я и нарушил.

Крест и сейчас там стоит, вдали от деревни, в глухой степи, с тех пор никто больше там не копает, ну а я, словно снял с себя тяготившую ношу. Надо будет этим летом приехать покрасить его заново, да еще посадить по краям белых плакучих берез, пусть нежный шёпот листвы, будет молитвой их матерей так и не дождавшихся своих детей.

Простите пацаны, вечная вам память и пусть земля будет пухом!

Хлеб Насущный

– Вань, ты куды? – видя, что муж рано с утра скоблил бритвой пену на лице, встревожилась Настасья.

– Отстань, не тваво бабского ума дело, – надув пенные щеки, рубанул Иван.

Что-то недоброе почуяв, Настасья не унималась и покраснела от волнения. Но зная сухой нрав супруга, не могла подобрать слова, чтоб выпытать у него, деревенского тракториста, зачем он в такую рань, приготовил ишляпу, свадебный пиджак и подаренный старшим сыном из города, бордово-красный галстук.

– Ванькя, ну ты чаво удумал то, а? – не выдержала она, –

взаправду, что ль на развод хош подать, а? – и слезы заблестели в глазах жены.

– Вот дура...! – промывал супруг, пытаясь приладить непокорный узел галстука под воротник желтой рубахи.

Но я помогу открыть вам причину, так как дожидаться объяснения от немногословного Ивана, сельского механизатора, ни вы, ни жена не сможете.

Всё произошло вчера вечером, когда поуэжиснав, Иван стал перелистывать еженедельную районную газету «ЗАРЯ» и наткнулся на фотографии своих коллег, под эфирным заголовком «Наши передовики», с ключами и молотком в руках, те стояли у тракторного плуга и глядели строго вдаль. В статье говорилось, что механизатор колхоза «Родина», коммунист Лапухов, вспахал за сутки 20 гектаров земли, а его коллега, коммунист Матвеев, 19. Оба они награждены почетными грамотами и ценными подарками за регулярное перевыполнение плана, первому достался радиоприемник, а второму электрический самовар.

Вот тут-то, и побазгровел Иван, ударил, кулаком по газете. Нет, он не позавидовал им, хотя возможно было и это, жгучая обида вскипела за неправду и откровенную ложь, регулярно, вот уже все лето печатающуюся в местной газетенке.

Его, непьющего уже полгода с весны, и выдающего «на –

гора» большие результаты на своем ДТ-75, упорно не замечали, ни правление, ни председатель, ни журналисты.

Только лишь учетчик, землемер, тезка Ивана, меряя своим деревянным циркулем его пахоту, цокал языком и хвалил тракториста, чей результат значительно отличался от коллег и глубиной и площадью.

А те два героя, местные выпивохи, и не стремились никогда лидировать, подолгу стояли в ремонте, за техникой не следили, часто отсыпались в лесополосе, в то время, как Иван, до боли и ряби в глазах глубоко царапал чернозем блестящими сошниками плуга, в азарте работы.

И последний его результат был значительно выше липовых «передовиков». Вот это-то и не мог больше терпеть, Иван, он давно понял, что как бы не рвал жилы, коллеги коммунисты будут все равно впереди его – беспартийного.

И ехал он сегодня утром в город, действительно писать заявление, но не на развод, которым зачастую попугивал сварливую жену, а на вступление в партию КПСС.

Как в воду глядел, не прошло и недели, его труд «заметили», газета и не только районная, а областная не раз упоминала его печатала портреты. А вскоре и телевидение заинтересовалось, смущенно и конфузливо с экрана, он отве-

чал на вопросы журналиста, с неестественной интонацией в голосе.

«Кандидат в члены КПСС, Иван Морозов, при норме выработки «такой-то» перевыполнил план на «столько-то» такие статьи стали обыденностью в газете, посыпались и награды, медаль «За трудовое отличие», бессчётные вымпелы, почетные ленты, памятные подарки, Иван Иванович, все это и сейчас бережно хранит в своей сельской избе. Его фотопортрет помнят в области на городской площади передовиков, на ВДНХ в Москве, даже в бывшей Чехословакии успел поделиться опытом...

Вот такую роль в СССР играла партия... плохо это или хорошо? Ответ для многих не очевиден... лично я не был коммунистом, и, сравнивая времена, однозначного ответа сейчас дать не могу.

Ивану Ивановичу, скоро 80, это мой отец, я желаю ему доброго здоровья и преклоняю голову за его честный труд, в котором и сам мальчишкой, не раз принимал участие, помогая убирать хлеб на комбайне, распахивая черноземную степь на тракторе, я знаю истинную цену хлебу, спасибо тебе за это – мой отец!

Характер

За что не любили друг друга, теща (моя бабушка Вера) и зять (дядя Вася), узнать уже нельзя, давно померли оба в преклонном возрасте.

Но народ догадывался, властная и волевая теща, закаленная судьбой была авторитарна, осталась одна с четырьмя детьми в войну, получив похоронку на мужа, осенью 1941. Не смотря на голод в селе, смогла поднять семью, а младшему было только год, замуж больше не выходила и двум своим дочерям желала мужа такого, чтоб, как за каменной стеной.

Старшая Клавдия, миниатюрная девушка, в 18 лет влюбилась в парня из семьи, с которой мать не хотела знаться.

Получив отказ в благословении матери, тоже проявила характер, сказав, что выйдет тогда замуж за уроды Ваську, одноглазого парня с изуродованным взрывом мины лицом и без правой, по локоть руки. Он один выжил из тех 5-ти мальчишек, нашедших противопехотную мину в поле и попытавшихся ее рассмотреть или вынуть сразу после войны.

И действительно, так и сделала. Мать её не ходила в дом непокорной дочери, и не хотела знаться несколько лет, даже когда та родила ребенка не пришла взглянуть на внука.

Но все же сердце не камень, узнав, что молодая семья по-

хоронила девочку, умершую в 2 года от дифтерита, пришла на поминки. Стала помогать дочери, но с зятем, ни в какую не хотела общаться и даже не глядела в его сторону, прозвав его «пистолет», за вечный прищур вытекшего глаза и полусогнутую культяпку руки, направленную на собеседника.

Вскоре родились еще две девочки с интервалом в 5 лет, и тогда теща нет, нет, но стала с зятем разговаривать, чаще не оборачиваясь спиной.

Василий, простой безобидный мужик, любил хорошенько выпить, но и работал одной рукой за двоих, в буквальном смысле.

И косил и вилами орудовал и дрова и скотина, со всем легко справлялся, упирался как – то обрубком руки и все у него получалось.

Без дела не сидел и, не смотря на инвалидность, трудился конюхом на ферме, все дивились его однорукой сноровке. От постоянного физического труда пальцы левой руки были похожи на губы железных кузнечных тисков.

Я помню рукопожатие этого человека, когда твоя ладонь, была зажата словно десятком струбцин.

Сухой треск дерева слышался, когда он сжимал единственный кулачище, огрубевшими пальцами он мог брать угли из костра.

И ростом, и в плечах его бог не обидел, крепкий мужик был.

Но, чтобы теща ему не говорила, он, молча игнорировал, не ругался, нет, а просто усмехался и не обращал внимания, тоже... с характером.

Придя однажды под хорошим хмельком, утром домой, услышал голос тещи, которая ругала и кляла его на, чем свет стоит, из погреба в подполье дома. Крышка-дверцы была открыта, видимо она набирала картошку, и думала, что никто ее не слышит.

– Писталет триклятый! Все яшиыки кривые, сколочены уродливо, как и он сам, ну не можешь ты красиво сделать, попроси людёв справных, с руками и глазами, чаво портить доски – то! Чертяка безрукий..., – и так несмолкаемо неслось из ямы в полу.

Василий, видя, что никого нет дома, дети в школе, жена до вечера на ферме, а тещин борщ, который та собиралась приготовить на обед, ему все равно поперек горла, крышку захлопнул и огромными гвоздями заколотил доски намертво. Слушать крики и вопли не стал, а ушел на работу и до позднего вечера не возвратился домой.

А когда пришел, шум и ругань в избе, слышимая с улицы сразу стихла, жена заплаканная беспомощно пыталась топором оторвать гвозди, но разве для того их Василий прибавал, не тут-то было. Ругать его не стала, а ласково попросила:

– Вась! Выпусти маму! Ведь чай с утра, как там сидит!

Знал бы Василий, получше тещу, не стал бы так гвозди крепко прибивать.

Не прошло и полгода, как он просил у нее прощения и обещал даже бросить пить и слушаться ее как мать родную.

И вот как было дело: пересох у него во дворе колодец, просить помочь никого не стал, спустился сам и давай черпать ил и грязь, пока до ледяных ключей не добрался. Землю на веревке жене подавал, та вытягивала. Уже и вылезать бы пора, вода бодро прибывать стала, как вдруг услышал голос тещи:

– Писталет, эй, ты тама ишио живой? – Ну, чаво?!

– Лови вяревку, она табе боле не понадобится, – кинула обратный конец ему, лишив тем самым возможности выбраться.

– А таперча смотри черт одноглазый, сюды!

– Ну чаво вы тама?! Озвярели что ля, у меня сердце от холода чичас встаня!

В проеме неба, закрывая его чуть ли не на половину, возникла черная зловещая тень.

– А енто ешо, чаво и к чаму?

– А енто каминь Вася, мельничный, от эжернавов и ща он на тебе падлюку полятит, давно я от тебя змея изба-

виться хачу...

Надо ли дальше унижать рассказом взрослого мужика, который зная тещу и её нрав, клялся и божился до тех пор, пока рыдать не стал в голос...

Синего, трясущегося от ледяной, колодезной воды его даже не сразу смогли и вытянуть, настолько он там, в колодеце, ослаб от холода...

Растирали и вливали в него самогон, не одну бутылку извели...

Семья и правду у них была образцовая, многие их ставили в пример, а кое-кто даже и завидовал.

И жили они, что называется долго и счастливо! Моя бабушка (его теща) умерла в 88 году, д. Василий пережил её ровно на десять лет, а спустя два года и жена Клавдия ушла из жизни. Моим двоюродным сестрам, их дочерям, давно минуло за 60. Вот такая вот Донская история разыгралась в моей деревне много лет назад...

Простите за слова родной речи, хотел передать истинный звук, наречий, который до сих пор слышно в моем степном краю, между Доном и Волгой.

Сёма! Вернись!

Я впервые за много лет, летел на отдых, на один из Карибских островов. Это был февраль, и выбор мой был исключительно из самых доступных на тот момент, т.к. ни один тур оператор дешевле этого места с купанием в теплом море и едой не давал.

Вариант всеми любимого Таиланда, был не для меня, только завтраки, а я ленив слоняться по местным харчевням.

И вот, в умиротворенном релаксе, утонул я в кресле огромного Боинга. Но единение с «отпускным счастьем» было не долгим. Беспреданно толкая всеми частями тела, что-то воинственно вскрикивая, непоседливый малец лет б-ти, не дает мне спокойно сидеть вот уже не первый час полета, а впереди их еще 12. Я терплю, пробую сосредоточиться на чтении, но т.к. сижусь на крайнем к проходу кресле, вынужден регулярно вставать, чтоб пропустить всю семейку. Вскоре, через меня начинает лазить его брат постарше, он сидит с бабушкой, на креслах спереди. И они явно вдвоем затеяли войнушку, т.к. над головой стали летать «гранаты» и свистеть «пули». «Язмать» отречено сидя у окна, без всякого интереса читает эл. книгу. Полет

очередной» гранаты» завершается на голове пожилого лысоватого пассажира, он, как и я, терпеливая жертва оккупации маленьких экстремистов. Во время завтрака на меня проливают чай и пачкают пирожным. Вы, наверное, заметили, что я терпелив и сдержан и только мимикой выразил своё недовольство Яжматери, поймав её взгляд, но она лениво окрикнув Сёму и ругнув Лёву, не прониклась к чаяниям соседей.

На мое предложение поменяться местами, для их же удобства, дабы они были все вместе, получил отказ. В очередном бою «ранили» пожилую соседку, та не выдержав «мук, страданий», высказала под всеобщее одобрение, свое негодование сопровождающим взрослым. Но получив в ответ, порцию отборной словесной «картечи», от бабушки и яжматери, решила погрузиться в просмотр ТВ на спинке впереди стоящего кресла.

Лампочка вызова бортпроводников у меня над головой горела неугасимым огнем и стюардессы сновали к нашим креслам с усталой дежурной улыбкой, выслушивая бесконечные просьбы-требования и жалобы мамыши. Сначала она была возмущена отсутствием возможности зарядить планшет. Потом требовала наушники к нему, ей не нравились предлагаемые напитки, она требовала заменить начатую еду, т.к. там не был указан состав веществ или калорий... и так

12 часов.

Наконец-то самолёт под хлопки аплодисментов коснулся земли, завершив трансатлантические муки перелета. Яэ-мать тут же принялась названивать кому-то и, старалась говорить шепотом, но видимо уши были у нее заложены перепадом давления в салоне, и диалог получился громким, слышимым не мне одному:

– Айзик! Да! Мы приземлились!

– Как, ты еще в Нью-Йорке, в аэропорту? Задержали!?! – она явно была недовольна.

– Дети! Папа встретит нас как обычно, но через два часа!

– Не спрашивай, Айзик! Это ужасно! Я так никогда еще не летала, ну ты можешь себе представить, меня и в чартере, да еще в эконом классе... но это все потому, что я у тебя экономная и хозяйюшка!

– Ты забронировал ту же виллу? Тогда скажи им чтоб вода была в бассейне теплая и чистая!

– Ну как же?! А в позапрошлом месяце там плавали ли-

стья и у мальчиков был понос... это только от воды в бассейне ...нахлебались.

– Ужасный перелет, я никогда больше не полечу в этом быдлосалоне! Встречаемся там же у выхода, дьюти-ффри.

Ровно через две недели, я, загорелый, просоленный и пропитанный насквозь местным ромом, сидел в кресле самолёта и ждал обратного вылета... суетились стюардессы, хлопали крышками багажных полок. Я в этот раз был у окна и надеялся, что 12 часов со мной рядом «поселят» загорелую красотку... девушек и вправду было много, но садились они все мимо...

Поток пассажиров прекратился и я уж решил, что лечу один, как вновь хлынули и среди людского говора, я услышал знакомый писклявый голосок:

– Сема! Лёва! Нам дальше, вон с той стороны!

Я похолодел! Только не это!... и точно, это были они... я закрыл глаза... хмель выветрился в ожидании ударов колен и толчков локтями...

Господи! Только не они!

И меня он услышал.... голоса на мое удивление прошмыгнули мимо, в хвост самолёта, ВИП – семейка в этот раз досталась другим несчастным.

Услышал он и про мою просьбу о молодой девушке – не прошло и пяти минут, как полтора центнера чрезмерно роскошного, загорелого шоколада, расплылось по всем свободным местам кресла, рядом со мною...

Мой сдавленный мозг кричал: – «Сёма! Ты где, милый мальчик! Вернись!»

Будьте конкретнее в своих мольбах и желаниях...

Нева

Небольшой сельский магазин, середины 80х годов. Взгромоздив на прилавок безразмерный бюст, томится и скучает продавица Татьяна, иногда, лениво отгоняя мух. Душный воздух пропитан целым букетом всевозможных запахов, характерных только «сельмагам», хозяйственного мыла, ржавой селедки в старой бочке, растительного масла. Я уже давно всё купил, собирался уходить, но оторвать взгляд от сверкающей выхлопной трубы новенького мотоцикла «Минск», с аккуратным ценником в 380 рублей, никак не мог.

Хрипло простонала входная дверь, явив местного алкоголика Григория, проследовавшего с траурным, печальным видом к прилавку.

– Даже и не начинай, лучше уходи, сразу! – вместо приветствия, затарахтела Татьяна и добавляет еще громче, – зараза!

Мутный взгляд Григория блуждает по пустой полке, ранее уставленной алкоголем, а сейчас опустошенной «сухим законом», лицо его еще больше багровеет. Долго возит-ся в карманах, высыпает содержимое на железную чашу

огромных синих весов. Татьяна не считая мелочь, сгребает и высыпает ее в ящик стола.

Узкому кругу посвященных, синеватых лиц давно известно, что Татьяна приторговывает из под «полы» в разлив «Экстрой».

– Тут и на столовую ложку не хватит, слышишь!?

– А мне и не надо, дай этих, как их, «Неву».

– Чего, какую тебе еще ниву?

– Лезвия! «Нева», – и ткнул пальцем в стекло витрины, где лежала среди иголок, наперстков и ниток, синяя коробочка.

– О!? Давно пора тебе харю побрить или за ум взялся?

– Угу, взялся, ждите, – принимая лезвия, затрясишимися руками промычал Григорий, – лучше налей, пока по-доброму прошу.

– Я те сейчас одобрю, – привычно хватаясь за швабру и угрожающе выпятив грудную артиллерию, привстала Татьяна.

– Издохну у тебя тут сейчас, ежели не нальешь! – пятась задом, отступает Григорий, – понаедут менты, следаки и ОБХСС, тебе —то это надо?!

– Дохни поразит, я тебе сейчас шваброй сама помогу....

Но Григорий быстро шуришит обертками лезвий, складывает их в стопочку и на глазах ошалевшей Татьяны, кладет в рот.

В мертвой тишине отчетливо слышен хруст, скрежет ломаемого зубами металла, даже мухи перестают жужжать в магазине. Он тщательно прожевывает лезвия, делает несколько глотательных движений, выпячивает из орбит глаза и тянет трясущуюся руку к Татьяне, при этом показывая пустой, окровавленный рот. Недвусмысленными жестами показывая, что надо срочно запить водкой всё это дело, а иначе смерть.

Татьяна с белым, как мел лицом, не отрывая взгляд от Григория, словно под гипнозом, на ощупь наполняет граненный двухсот граммовый стакан и отдает ему. Тот с жадностью осушает его и ...уходит, помахав на прощанье рукой.

Прямо из горла продавища делает несколько жадных глотков, словно воду пьет водку...

– Суки! Что ни день, то новые фокусы! – икнув, плачущим голосом говорит она.

Григорий, конечно же умер, как и все его товарищи того времени, но не от лезвий, ему в пьяной драке проломил голову топором собутыльник, в плену белой горячки, но это было спустя 10 лет. А мне до сих пор не понятно, проглотил он их (лезвия) тогда или нет...?

31 Декабря

Я проехал по трассе М-4 «Дон», половину пути, оставалось меньше 400 км. Мне часто

приходится совершать многокилометровые поездки, и у меня на трассе появились свои привычные ритуалы, полюбившиеся места для отдыха и обеда в кафе. До нового года оставалось около 10 часов и я поторапливался, меня ждали к празднику, приближение которого чувствовалось во всем, даже в движение автомашин.

И не смотря на пасмурный день, усталость от рулёжки, я был в отличном настроении.

Зайдя в придорожное кафе с новогодним названием «Сказка», уселся в излюбленное место у окна, чтоб видеть машину. Обед, простой, но с ароматом заботы и домашнего тепла, еще раз говорил, о правильности моего выбора харчевни. В зале, я был единственным посетителем, а судя по объявлению на двери, о коротком режиме работы, наверняка и последним в этом году.

За миниатюрным прилавком, являющимся барной стойкой и кассой одновременно, стояла женщина в белом фартучке и бумажном кокошнике в волосах. Я не обратил особого внимания на ее лицо, лишь заметил, что она явно была старше меня лет на 10 – 15 и ничем особенным не отлича-

лась от 40 – 45 летних женщин.

Расплатившись ей за обед и поздравив её с наступающим новым годом направился к двери уходить, как услышал за спиной голос с дрожью:

– А Сергей умер, в больнице, выпрыгнул из кабины КАМА. За и его сбила другая машина. Нет больше нового года, нет праздника... Нет мужа...

Я обернулся, решив, что это она кому-то другому говорит, но смотрела она именно на меня, а вернее даже сквозь меня, как бы вдаль. От услышанного, я растерялся, смутился, но вернулся, подойдя ближе, взглядевшись в её глаза, высушенные скорбью, заметил, что они не мигали, не двигались, будто тоже были мертвы. А она продолжала говорить

– Я Светланке еще ничего не говорила, пусть думает, что папа в рейсе...

Не зная, что говорить в таких случаях и как выразить искреннее сочувствие, спросил лишь о возрасте дочери.

– Девятый год, – еле слышно ответила она.

Окинув взглядом небольшой прилавок и увидев огромную в ярких цветах коробку с конфетами, выложил за неё «зачку», которую планировал пропить со школьными друзьями, попросил ее не давать сдачи.

– Передайте пожалуйста, девочке, скажите, что от... папы...

Я шел по снежной тропинке к машине, но чувствовал, что мне в спину смотрят, невольно обернулся и точно... в каждом из трех окон, откинув занавеску, виднелись лица женщин... Рука одной из них, крестила меня во след.

Трасса М-4 «Дон» больше не проходит через то село, новая магистраль мчит далеко в стороне от кафе «Сказка» и я никогда с тех пор больше там не был.

Жизнь одинокой женщины и её дочери, конечно слаще не стала от тех конфет, но разве дело в них...?

По данным ГИБДД, за истекшие сутки на дорогах страны погибло 33 человека, каждый год, население много тысячного города не возвращается домой... уходит навсегда...

Берегите себя, помните, ведь вас ждут дома!

Браконьер

Мать Кольки, 12 летнего пацана, облазила всю округу, но сына, нигде не было, и никто его не видел. Аккуратно сложенную стопочку одежды, одиноко возвышающуюся из густой травы, на берегу старого деревенского пруда, нашли поздно вечером, на второй день, после его пропажи. Было начало мая, вода еще не позволяла купаться, так что было непонятно, зачем Колька её тут оставил, рыболовных снастей рядом тоже не было.

Мы, местные добровольцы искренне хотели помочь этой

женщине, у которой и так в жизни было все не сладко. Колька был единственный ребенок в семье. Муж давно не работал, трезвым бывал только по утрам, и то, до открытия магазина, пропивал всё, что можно было унести в руках из дома. Она получала пенсию по инвалидности, после несчастного случая на работе, когда толстый натянутый стальной трос, сцепленный с трактором и «волокушей» лопнул и ударил её, переломав ребра и нарушив работу позвоночника. На эту пенсию они и жили, ну еще огородик помогал, коза, куры...

– Как в воду канул..., – произнес кто-то из мужиков, и мать, Кольки тут же рухнула на колени, прижалась лицом к одежонке, заголосила, не тая очевидного горя.

Мы все смотрели на зеркало молчаливого пруда, отражавшего вечернее небо, и чувствовали, что именно эта вода, знает, где мальчонка. Весь следующий день бреднем и сетями прочесывали водоем, но кроме рыбы, раков и даже заплывшегося бобра ничего не было...

Глубина воды, на середине пруда составляла около 15 метров, таких сетей у нас не было, а сам пруд петляет в степи 5—6 км и в ширину кое-где метров 300.

– Надо ть ждать кады живот раздуя, тады и всплы-

вѣть, – сообщил задумчиво старик Лямин, и добавил, – в такой мутной воде не съшишь, а можа и сом с раками... уже того...

Приехали из района два водолаза, в течение последующих двух дней обследовали дно... Жаловались, что вода внизу студеная и нестерпимо ледяная, ключевая.

Надежды найти уже ни у кого не было. Зеваки все реже приходили смотреть на работу водолазов... и только мать его, с утра до ночи не отходила от воды и все звала и звала по имени, уже еле слышным голосом.

Работы по поиску решили закончить, спасатели собирали водолазное снаряжение, упаковывали, когда тенью подошла к ним женщина (мать) и показала рукой на гладь пруда... – Миленькие мои, гляньте, прошу еще раз, во-он там, за камышом!

Те уже не слышали ее, уставшие, вполголоса переговаривались между собой и продолжали сборы.

– Я чувствую! Я вижу! Он именно там! – она уже кричала, вцепившись в шланг.

Спустя час, тело мальчонки белело на руках одного из во-

долазов... действительно, он был именно там.

Конечно, это поразило всех собравшихся, сердце матери не ошиблось, но еще большие были удивлены видом мальчика, несмотря на пятидневное пребывание под водой, он был простите за сравнение – как живой. Настолько идеально сохранился. Не было ни единого следа разложения. Прибыл судебный эксперт и пояснил, что такое в здешних водоемах не редкость, а причина проста, на дне температура воды крайне низкая из-за бьющих ключей, раки и сомы туда не лезут, холодно. Холод не дает образоваться в теле газам, чтоб поднять его над водой, как это обычно и бывает с утопленниками. Причину гибели, а вернее самоубийства долго не могли понять...

Семья хоть и не идеальная, но по местным меркам, обычная, сейчас в селах многие так живут, денег нет, работы нет, отчаявшиеся на лучшую жизнь люди пьют... дети без присмотра...

На похоронах, неожиданно, кое-что прояснилось, заговорил его дружок и одноклассник, Пашка.

Оказывается накануне, они с Колькой, ловили украдкой рыбу в арендованном «зарыбленном» пруду.

Немного поясню; сейчас такой способ наживы повсеместно распространен, по берегу водоема предприимчивые арендаторы ставят будки с круглосуточной охраной, повсюду вешают таблички «Лов рыбы запрещен!», запускают мальков и продают выращенную рыбу. Такая монополия на общественные водоемы, конечно, никому не нравится. Первыми пронюхали и запустили этот вид бизнеса представители местных районных администраций, нанимая для охраны от желающих поживиться рыбой, людей в форме, бывших и действующих полицейских. Государственная символика, кокарды и шевроны, действовала на местных «браконьеров» отпугивающе и эффективнее любой колючей проволоки.

Пашика успел убежать, бросив кривую самодельную удочку, когда на них набросились люди в форме милиционеров времен СССР.

А вот Колька предстал перед «справедливым судом» еще не про хмелевших блюстителей частной собственности.

Как известно, бывших ментов не бывает, вот и эти пенсионеры, вспомнили свое призвание и поиздевавшись вдоволь над мальцом, нарисовали ему на «квитанции» сумму штрафа, с кучей нулей. Приказали принести его им немедленно, ну и собирать теплые вещи, для отсидки в тюрьме – «сушить

сухари».

Колька воспринял слова людей в форме совершенно искренне...

Поведал потом о своем горе Пашке, тот предложил ему уйти из дома и даже принес еды.

Но Кольку видимо этот вариант решения беды не устроил, и не видя другого выхода, мальчик утопился.

Вот уже более 10ти лет, одинокий крест, на берегу этого пруда, на том самом месте, напоминает мне эту грустную историю.

Акулы бизнеса

На заре рыночной экономики, решили мы в деревне с приятелем стать акулами бизнеса. Я жил в городе, Шурка в деревне, мы часто виделись и вскоре дружеский разговор перерос в сугубо деловой. Стали прокручивать варианты обогащения, доступные в частном секторе экономики

В то время вся деревня, поголовно торговала контрафактной водкой и самогоном, но эту пагубную отрасль мы отмели сразу, злобредность ее была нами очевидна, не иначе, как накануне нас с Шуркой еле откачали после дегустации «первача» у его крестной. Мы оба слетели в пруд с площадки на моем «Минске», горланя во все горло песню «Ой мороз, мороз!». Танцуя и виляя в такт мотива, зацепили ветки придорожной прудовой ветлы и рухнули в водоем.

Мотоцикл еще потом долго не могли вытянуть с камышовых зарослей, он зацепился за корягу, пруд то старейший, поросший ветлами. Ну, а нас самих выловил проезжавший мимо на УАЗике зоотехник, я уже помню, пузыри пускал, так как плыть в камышах, да еще в одежде и пьяному было не под силу.

Так что злом торговать, мы напрочь отказались.

И вот сидим мы с ним на берегу этого омута, сушим выловленный мотоцикл, тину выдергиваем, как из-под сиденья выползает старый, позеленевший от времени рак.

Шурка внимательно и долго его разглядывал, нахваливал за размеры и играл с усищами.

– Слушай, а у тебя в городе рестораны и пивные, раками торгуют?

– Не знаю, я ж в них не бываю. Ты хочешь сказать, раки...?

...

На следующий день, чуть заря окрасила небо, мы уже пылили по полевой дороге на мотопёре, в сторону пруда. На багажнике был привязан бредень и куча раколовок

Старый пруд с нами щедро поделился содержимым и уже к вечеру полная ванна разнокалиберных раков радовала наши глаза. В саду на костре ароматно пахли и булькали в кастрюле трофеи.

Трехлитровая банка с пивом, мгновенно закончилась под хруст клешней.

Откуда-то появилась еще банка, но уже с самогоном.

Очнувшись на утро бизнесмены, увидели, что все раки в ванной всплыли, вода была вспенена и пахла тухлятиной.

Бизнес пришлось свернуть, т.к. горе – коммерсанты поняли, что довести раков до города свежими, они не смогут.

Но тут на глаза Шурки попался привязанный баран, мирно жующий траву...

Подарок

Ну что я мог привезти в подарок своей девушке, вернувшись с полигона Сары-Шаган в Казахстане?

Не осколки же от ПВОшной ракеты, которой мы с третьей попытки все же сбили самолет-мишень.

Скорпионы тоже вряд ли бы её вдохновили, да мы их и сами побаивались.

Собирали кто во что, даже в спичечные коробки, они зачастую убежали и тогда в палатку было боязно зайти, а уж спать и вовсе... брр-р... Помню эти коготочки пробежавшие по лицу ночью, а может это и не скорпион был вовсе, а фаланга например, или жук безобидный какой....

Но я отвлекся, о полигоне как-нибудь потом расскажу, а сейчас, стоя в вагоне метро напротив сидящих хохотушек лет 17—18, я вспомнил, как так же летом, много лет назад ехал в трамвае на свиданье и вез своей девушке подарок в кармане военных брюк. Так как очень спешил, положить мне его было не во что и тем более никаких упаковок в казарме было не найти, а часы увольнительной тикают быстрее любого секундомера. Я после месяца разлуки, опаленный пустынным солнцем, спешил в женское общежитие, где меня ждала очаровательная смуглянка, с которой накануне отъезда познакомился в клубе военного училища, на дискотеке. Удивительным было в том знакомстве то, что при-

глашая на танец, стоящих в темноте у стен девушек, я открыл новую теорию... и назвал её «Теорией невероятности». На том вечере, все четыре приглашённых на танец из разных темных углов зала девушек, были одним и тем же лицом – и её звали Ирина.

Не верите?

А зря, я до сих пор поражен той случайностью произошедшей на этой дискотеке, где было не протолкнуться от девчонок, а я невольно и неизменно приглашал и приглашал только её.

Судьба?

Конечно она, ведь эта девушка и была моей первой женщиной, которых до 20 лет у меня еще не было.

Стоя в вагоне с подарком в кармане для нее, я, закрыв глаза думал о повторении тех сладких минут, уже не раз проведенных вместе с ней в маленькой комнатке общаги...

Как вдруг, взрыв смеха сначала девчонок напротив, а потом и всего полупустого вагона, заставил меня очнуться.

Хохотушки не могли унятьсья, красные и со слезами на глазах они крутили физиономии в разные стороны и поочередно тыкали пальцем в меня, ...а точнее в мои брюки, а еще точнее на мой подарок, эту гребаную черепаху, которая начала шевелить всеми шестью частями тела, топорща мой карман, причудливо – шевелящимися буграми.

Она лежала спиной к моей ноге, потому – то я ниче-

го и не почувствовал, когда эта паразитка зашевелилась. Именно её, черепаху, размером с кулак, я и вез с того полигона в подарок.

Не раз у меня её хотели обменять, предлагая всякие немислимые для курсанта блага, но я был непреклонен.

Мы там их много находили, но все они были гораздо крупнее, порой даже размером с фуражку, таких провезти было не возможно, их отбирали офицеры.

Описывать то, о чем подумали девушки и все пассажеры не буду, цвет моего лица и так был обгорело красным от солнечных ожогов, стал просто черным. Я не стал им показывать черепаху, просто выпрыгнул в открывшиеся двери... что интересно они обо мне сейчас думают, а?

Попутчик

Убаюкивающей мелодией, в тон рельсовых стыков, позванивал полный стакан, давно остывшего чая.

Собеседник замолчал и его утомленный бессонницей взор, ушел в глубь темного окна вагона, туда, где ночной горизонт, уже был вспорот тонким лезвием утра, и было видно, как под покрывало ночи упорно лез новый погожий день.

В полупустом вагоне тихо, но из какого-то купе слабо доносился то ли плач ребенка, то ли писклявый храп.

В 500 километров моего пути от столицы, слова моего попутчика, шпалами к рельсам улеглись в эту дорогу, единого рассказа о своей жизни.

Мы, как это часто бывает в дальней дороге, быстро сдружились и всячески помогая друг-другу вежливой любезностью, скрашивали дальний путь, делясь незатейливым ужином, журналами и короткими комментариями увиденного в окне.

Мне был симпатичен этот человек, примерно моего возраста, со схожими взглядами на общие темы в жизни, с напускным шутивым сарказмом, он пытался быть веселым,

много шутил, но вот только глаза не шли ему, они словно принадлежали другому человеку, и даже в минуты смеха, продолжали сохранять поволоку грустной задумчивости.

Ехали мы в один город, вот только я возвращался к себе домой, а он по делам службы, в командировку.

Я читал анекдоты в слух из развлекательного журнала, на тему командировок: «Муж в отъезде. Приходит СМС сообщение: «Уважаемый абонент! Сообщаем вам, что ваш супружеский долг погашен.»

Тот дежурно посмеялся и привел цитату из известного художественного фильма:

– «В свое время Сократ мне сказал: «Женись непременно. Попадется хорошая жена – станешь счастливым. Плохая – станешь философом» – и стал рассказывать эту странную историю, о которой я и хочу поведать.

Философом, я, увы, не стал, но размышлять о женищинах стал гора-а-здо глубже...

Как-то сказал жене, что все знаю о ней, т.к. поехал вчера следом и мол видел, как она села не в метро, а в поджидавшую машину к неизвестному мужику и что поцелуй был вовсе не дружеский...

Я просто пошутил.

И надо же мне это было?!...

Шел седьмой год семейной жизни, был день рождения сына, 5 лет, и вдруг такое... грянул гром, все пошло вверх тормашками!

А началось все с ее очередной поездки к подруге и однокурснице Юле, живущей где-то за городом. Вернулась она спустя сутки, усталая, с кругами под глазами, с лёгким перегаром, вижу что хорошо девчонки посидели...

После моей шутки, её реакция на сказанное меня шокировала... она рухнула на стул, ноги подкосились... все больше бледнея ...затряслась... слезы потекли.

Кое – как совладав с собой начал хладнокровно и дальше её «крутить»...:

– Ну и как давно... ты это ...с ним? – сдавленное горечью обиды горло исказило мои слова и звуки до неузнаваемости, я говорил словно в пещере.

Она молчала долго, словно не слыша меня... ушла в себя, потом отрешенно прошептала:

– 5 лет!

– Кто он? – и снова в ответ, молчание.

Я не стал больше ее пытаться, а подключил параллельно на лестничной площадке, ниже этажом телефонную трубку, просто два проводка по очереди прижимая к общей шине, нашел свой домашний, тогда у нас не было мобильных и городской аппарат был единственно доступным средством общения, это был 1998-й год, она звонила своей бабушке, как оказалось, та была в роли посредника и в курсе ее увлечения, через нее они и договаривались о встречах... Слушая разговор узнал его имя – «Серезжа»

– Ба, скажи Серезже, пусть не ищет меня и не звонит, я сама ему всё сообщу...

Я вернулся в квартиру, с незнакомым чувством, оно грызло и жгло все изнутри, кололо и пронзало во мне каждую точку тела... боль обиды сменялась, яростью злобы, помню, что зубы у меня часто стучали, а скулы сводило, но я владел собой... может потому, что ничего ЭТОго не видел и надеялся на розыгрыши, шутку, неправду. Думал, что сейчас мы с ней поговорим и все прояснится, встанет на свои привычные семейные пути,

... Увидев меня она сразу стала трещать без умолку с напускным спокойствием, мол это была какая-то глупость и не стоящая внимания, ерунда и большие так не будет, ошибка, но потом... опять разревелась видя мое искаженное лицо... взяв икону встала на колени посреди комнаты..., с той, что венчались.

– Зови своего «Серезжу»... будем общаться за круглым семейным столом, я про него все знаю...

Она опять поразилась, как от удара током, а я снова взял на «понт», ведь я не знал кто этот человек...

– Ты же знаешь, он сейчас на работе, куда я позвоню?!

– Ничего, пусть подзовут к телефону, пригласи его на вечер,... – опять я подыграл сам себе.

И тут озарило, нет, добила догадка, это же – Серега!/? Мой сослуживец, коллега и друг, ведь я сам пригласил его однажды в гости около пяти лет назад и мы всегда были рады ему, принимали как родного, ... настолько родного, что... жену стали делить.

Вот так, в одночасье, я лишился друга и скорее всего жены. А ведь и он женат, двое детей. Молодец Серега, классно

устроился, так вот почему у них был такой испуганно-виноватый вид 3—4 года назад, когда я вернулся однажды раньше обычного и столкнулся с ним и женой у двери своей квартиры, они как раз выходили, ...эх, приди я раньше на полчаса, сидел бы уже, наверное, в тюрьме... а может и оправдали бы? Если б застал в кроватке в известных позах, наслаждающихся сексом... Бррр-р!!! Нет! Не хочу думать об этом!!!...

...Он пришел. Принес бутылку водки, поставил на стол, куртку не снял, оно и понятно, любитель всяких модных на тот момент газовых пистолетов, увешан ими был, как Рембо, они явно топорзили его карманы. Боится, значит.

Сели за стол... пустой в этот раз, без сервировки... только бутылка водки посреди.

– Любишь её? – киваю в сторону понурой супруги, стоящей поодаль.

– Да! – скорее кивком, чем звуком ответил...

– А ты его? – не глядя на жену спросил я.

– Люблю! – с дерзкой ноткой ответила она

– Звони своей жене и зови ее сюда, – я протянул трубку городского телефона Сергею.

Но Серезжа замотал головой, мол «не готов»...

Оно и понятно, жить то ему потом где? Наверняка выгонит супруга его с квартиры, в свою деревню Вологодской обл.

Молчание затянулось, отказ звонить своей жене, явно показал тот уровень отношений, которыми были они, связаны... мальчик явно развлекался. А что? Удобно! И постоянное алиби, ведь «друг семьи», когда хочу тогда и прихожу.

Я еще не осознавал до конца всей трагедии произошедшего, не проникся к беде глубокими мыслями, мною еще не было принято ни какого решения.

Ненависть к нему и к ней никак не хотела поселиться в голове.

Я просто сказал ему – надеюсь никогда больше не встречу тебя в этой жизни! – и выпроводил за дверь.

Сергея что-то пролопотал уходя, кажется «нет, еще встретимся», и... заплакал... рукавом куртки закрыв глаза вышел за дверь.

Уже 20 лет, мы так и не встретились, не виделись...

Он ушел.

– А ты!? Что сидишь, вали, догоняй его, все равно с тобой жить не буду...!

С минуту сидела неподвижно, и... бросилась следом...

Да, не стало её впервые в моей жизни, в эти минуты я был по настоящему одинок, прошли минуты размышлений, ... а для меня это были годы... те самые годы, что так легко сейчас были выброшены, стерты из жизни. Семь лет промелькнули перед глазами, как в ускоренном видео, ... вот свадьба, поздравления, пожелания семейного счастья, а вот и её бабушка дарит букет белых роз невесте и целует меня в щеку со словами «Береги её», да, та самая, которая посредничала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.